

ГОТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

АННА ВЕЛЕС

Любовное
проклятие

Annotation

К Елене Давыдовой, хозяйке «Бюро магических услуг», обратился за помощью ее бывший одноклассник, ныне сотрудник спецслужб. В городе произошло несколько странных убийств, и он подозревает, что Елена с ними связана, ведь все убитые когда-то состояли с ней в любовной связи, а их смерти не поддаются рациональному объяснению. Елена и ее друзья по «Бюро» начали свое расследование, и оно привело их к ошеломляющему выводу: убийца — женщина, очень похожая на Елену, которая за что-то мстит ей таким страшным способом. Теперь Елена не остановится, пока не встретится с незнакомкой лицом к лицу, ведь ей брошен настоящий вызов...

Анна Велес

Любовное проклятие

© Велес А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Черная громада неба пульсировала дождем. Капли мерно стучали по железному подоконнику и глади окна, играя какой-то странный марш. Бушующая стихия не могла проникнуть в комнату, но ее дыхание все же заполняло маленькое пространство, маленький мирок, спрятавшийся в коробке стен.

Электричество не включали, зато вместо огромных неживых ламп горели свечи. Их маленькие огоньки были не в состоянии разогнать тьму, но окрашивали ее в сумрак. Язычки пламени дрожали, и странные вытянутые тени плясали по стенам. Ночь за окном, стук дождя, свет свечей — все это рождало атмосферу таинственности и волшебства, заставляло отрываться от действительности и уходить куда-то в глубь тайн природы и Вселенной.

Он любил такие вечера. Их магию, их напряженный покой и ритуальный уют. Он полностью растворялся в них и был счастлив. Но только не в этот вечер.

Сегодня атмосфера сумрака давила на него, пугала, заставляла тревожиться. Он вжался в глубины кресла и напряженно ждал чего-то ужасного, непостижимого. Возможно, смертельного.

Напротив него в таком же кресле сидела она. Хрупкая и нежная с виду, эта девушка излучала невиданную силу. Сила составляла истинную сущность его гостьи. И сила эта была темной. Именно она сломала покой и уют, именно она превратила его мирок в страшную, смертельную ловушку.

Девушка смотрела ему в глаза злым, пронзительным взглядом, от которого холодный пот выступал у него на лбу. Она медленно, плавно подносила к губам бокал, наполненный красным вином. И его терзала шальная мысль, будто вместо терпкого сока винограда она пьет его кровь. Странная гостья представлялась ему сейчас частью тьмы, что рвалась в окна, что плясала на стенах в виде безумных теней. И этот шаманский танец был наполнен ритмом дыхания женщины, которая сидела напротив.

Она улыбалась, неприятно, жестко. Она чувствовала, как растет его страх, вытесняя сознание. И она помогала этой жути завоевать его душу. Ловушка почти захлопнулась, и он метался, как загнанный зверь, он не сдавался, надеясь на чудо.

— Александр. — В устах женщины его имя звучало протяжно и мягко, как песня, но, слыша его, он терял силы, будто получал удар острием кинжала. — Я даю тебе выбор. Мое предложение несет огромную выгоду. Власть. Разве ты не хочешь власти, Александр?

Ее вкрадчивый, тягучий говор завораживал, отнимал волю, подчинял. Но он не хотел ее слушать. Не было у него выбора. Не нужна ему та власть, которую она предлагает. Слишком глубока та Тьма, что стоит за странной гостьей. Не может быть власти, только кабала, вечное рабство, которое хуже смерти.

В горле пересохло, и говорить он не мог. Лишь отчаянно замотал головой. А она читала его мысли, пила его страх. Нет, ей нельзя подчиняться. Это хуже, чем продать душу Дьяволу.

Она рассмеялась. Торжествующе, зло. Она была уверена, что выиграет. И этот смех дал ему волю к сопротивлению. В его измученной и запуганной душе родилась ненависть. Так бывает, когда раненого зверя загоняют в угол. Он уже знает, что ему суждено умереть, но свою смерть собирается продать задорого. Унести с собой несколько жизней врагов.

Александр понимал, что его сил недостаточно, чтобы ее уничтожить. Но все же ненависть давала шанс вырваться. Что-то глубокое, древнее вспыхнуло в душе, заглушая страх

и оттесняя власть Тьмы. Александр почувствовал, как разум затягивает новая паутина. На этот раз более знакомая, спасительная, такая важная в этот момент. И он позволил себе упасть в сети новой силы, отдал себя ей. Откуда-то пришли слова, они сами сплетались во фразы. Непонятные, незнакомые, они несли силу, обещали освобождение. Пришло ликование, казалось, победа так близка...

Но все внезапно прекратилось.

— Неплохо, — оценила его мучительница. — Я даже не думала, что ты можешь такое. Но, прости, это бесполезно.

Разочарование и отчаянье нахлынули удушающей волной. Слезы защипали глаза. Ужас возвращался. И теперь он был беспомощен перед Тьмой. От нее не убежать.

— Мне очень жаль, — проговорила гостья, но жалости-то в ее словах, конечно, не было. Только сила. Только злой расчет. — Ты сделал свой выбор. Теперь остается только попрощаться.

Она взмахнула рукой. И мир начал рушиться. Не для всех, лишь для него.

Сумрак вдруг обрел плоть. Начал сгущаться и давить на Александра. Перехватило дыхание, немой крик застрял в горле. Взгляд гостьи стал еще пронзительнее. Как блестящий холодный клинок, он впивался в мозг, причиняя боль. Повеяло холодом. А сумрак продолжал сгущаться, набирал обороты жизни.

Безумные тени отделялись от стен, меняли формы, оживали. В агонии задержались язычки свечей. Что-то гулко ударило в окно.

Александр резко дернулся на звук. В сознание вплыли образы Булгакова. Несчастный и измученный, он ждал, что сейчас распахнется форточка, потянет запахом тины и зеленая, неимоверно длинная рука потянется к шпингалету. Но Геллочки в окне не было.

Тьма не признавала сказок. Ее подарки были страшнее. Тени полностью ожили. Громадными силуэтами выстроились они вдоль стен. И Александр начал различать их лица. Осознание стрелой пронзило мозг. Нет, он не знал этих теней, но откуда-то из глубин памяти пришли их имена. Ужас поглотил все. А мертвецы шагнули вперед. Холод и смрад лишили тело подвижности. Александр окаменел. И только сердце билось в клетке холода. Часто-часто. Оно все наращивало темп. Будто шаманский барабан во время кульминации обряда. Душа следила за бешеным ритмом, как будто чего-то ждала. И вот... удар пропущен. Миг тишины и небытия. А потом боль. Целый океан резкой, колючей боли. Что-то белесое мелькнуло перед мысленным взглядом, что-то новое, иное пронеслось по черному фону меж желтоватых огоньков. И все...

Она наблюдала, как обмякло в кресле его тело. Она улыбалась все той же победной, злой улыбкой. Все кончено. Допив вино, она встала, сладко потянулась, как кошка после долгого и приятного сна. Пора уходить.

Тьма умчалась в ночь, а тени встали на место.

Глава первая

Очередной скучный мартовский день. Пасмурный, сырой и какой-то серый. Вернее, окрашенный во всевозможные оттенки этого бездушного, безжизненного цвета. Пустое, белесо-блеклое небо, облупившиеся однообразные домики позапрошлого века, сгрудившиеся, прижатые друг к другу в центре города, грязный осевший снег, позабывший былую девственно-чистую искрящуюся белизну, выползающий из-под него грубый потрескавшийся асфальт — все это казалось застывшим, притаившимся, замершим в испуге. И на фоне этой бездвижности острее чувствовался пульс города. Шорох шагов, нервный гул моторов. Резкие крики растревоженных ворон и порывы злого весеннего ветра, уже лишённого зимнего холода, но по-прежнему острого и колючего.

Такие дни навевают скуку или возрождают тянущие душу воспоминания о чем-то несбывшемся, но таком желанном, недостижимом. Но ей нравилась эта застывшая серая жизнь, так похожая на «сумрак» романов Лукьяненко. Она не верила в книжный мир магии, порождающий истину, но ей нравилась сама идея «сумеречного» марева, в котором скрыта реальная действительность. В такие дни она чувствовала себя спокойно. Даже умиротворенно. Серость действительности своими правильными линиями средневековых гравюр чем-то походила на ее собственный сумеречный внутренний мир. Такая гармония микро- и макрокосма ее вполне устраивала.

Она свернула под арку, пересекла дворик, сиротливо обрезанный со всех сторон кирпичом офисных зданий, построенных все в том же позапрошлом веке, перепрыгнула очередную лужу, машинально поздоровалась с облезлым одноухим черным котом и взбежала по ступенькам любимого кафе.

В зале царил полумрак. Искусственные сумерки, нерушимые в любое время суток. Было пусто, как всегда по утрам. Играл джаз. Элла Фицджеральд пела знаменитую «Summertime», такую подходящую к нарисованным на потолке звездам и абстракционизму множества миниатюр, рассеянных по стенам. Пахло свежесваренным кофе. Тоже очень подходяще.

Он вышел из курилки. Молча кивнул. Так же молча помог ей снять пальто. На столике, покрытом шотландской клеткой, стояли чашки и два бокала. В полумраке зала вино казалось темно-бордовым, как всегда — цвета крови.

— Кто? — спросила она. Равнодушно. Чуть устало. Смирившись заранее.

— Александр Михайлов. Помнишь такого?

Она кивнула. Взглянула в окно. Молча выпили. Не чокаясь.

— Когда? — опять спросила она, продолжая созерцать серый пейзаж унылого дворика.

— Вчера ночью.

— Как? — Она поморщилась. Ответ был очевиден.

— Убийство.

Кивнула. По-прежнему не глядя на него. Он молчал, вглядываясь в ее лицо. Казалось, она мечтала о чем-то своем, мирном, спокойном, таком же сером, как и весь сегодняшний день, о сумеречном и прекрасном. Только морщинки у глаз стали чуть заметнее. Хотя, может быть, это от усталости. Или у нее приближался приступ мигрени. Он поморщился. Пауза затягивалась, ему в таких ситуациях всегда становилось неудобно.

— Его нашли в половине пятого утра. Повешен на люстре.

— Ну, что ж. — Она наконец-то подняла глаза, пожала плечами. — Банально и

очевидно. Он, стоило ему принять лишнего, всегда рассказывал, что мечтает покончить счеты с жизнью именно так.

— Видимо, это он сообщал всем, кому ни попадя, — так же пожав плечами, прокомментировал он. — Как ты любишь повторять нашим клиентам, нужно быть осторожными в своих желаниях, иначе они могут исполниться.

— Но это, конечно же, не самоубийство. — В серых глазах мелькнула искра интереса. Он кивнул.

— Естественно, нет.

— А почему? — Она насмешливо улыбнулась. — Угол падения стула не тот, или тапка лежала не там, где должна?

— О тапках не знаю. Но экспертиза показала, что в петлю его засунули уже мертвым.

— Остановка сердца?

— Конечно.

— Понятно.

Она опять отвернулась к окну. Ему подумалось, что их разговоры со стороны выглядят очень странно. Будто двое незнакомцев делят столик по стечению обстоятельств. Или усталые любовники говорят о погоде, боясь произнести: «Прости. Я тебя разлюбил». Ему это не понравилось.

— Ты хоть что-нибудь чувствуешь?

Она посмотрела ему в глаза. Устало, почти равнодушно, как и в самом начале разговора. Пожала плечами.

— Только сожаление, — усмехнулась. — А чего ты ожидал? Слез и причитаний?

— Нет, но...

Ничего он не ожидал. Просто его немного пугала ее холодность, равнодушие, спокойствие. Еще хуже становилось от того, что он знал: это искренне, реально, а потому жестоко. Впрочем, ее саму в нем пугало то же отсутствие эмоций. Он знал и об этом, и это успокаивало.

Она легко дотронулась до его ладони. Почти машинально. По привычке.

— Это прошлое, далекое прошлое. Как другая жизнь. Хотя... любая смерть огорчает.

— Избавь меня от лекций по философии, — отмахнулся он. — Что делать будем?

— Ничего, — спокойно улыбнулась она. — Допьем кофе и пойдем на работу.

— Но, Елена, он уже третий. Неужели тебя это не настораживает?

— Настораживает. И что?

— Да ничего. — Он незаметно для себя перешел на нравоучительный тон, который она ненавидела. — Вот объясни мне. Зачем нужен этот цинизм? Эти зверские инсценировки? Повешенье, там, и прочее. Извращенная жестокость!

— Ты становишься высокопарным, — насмешливо заметила она. — Это жестокость, не спору. Извращенная, и с этим не поспоришь. А причина... Неужели ты не понимаешь? Это вызов.

— Кому? Миру? Вселенной? Господу богу?

— Всего лишь нам.

Она устало потерла шею, чуть склонив голову. Он потрясенно молчал.

— Ты знаешь, — продолжила Елена, вертя в руках пустой бокал. — На каждый случай у нас стопроцентное алиби. Нас не подставляют. Нас не трогают вообще. Мы зрители.

— Нет, конечно, не трогают, — язвительно отозвался он. — Убиты трое твоих бывших

любовников. Квартира каждого забита оккультной литературой и еще черт знает чем. Убийство совершают не совсем обычным способом. Тут у кого угодно появится мысль заняться нами. И вообще! Почему полиция тобой не интересуется?

— А тобой?

— Я-то тут при чем?! Я же с ними не спал.

— Ревность, милый. Не учел? — Ее глаза блеснули лукавством.

— А ведь правда. — Он по-мальчишески широко улыбнулся в ответ. — Я, по-моему, Александра и в глаза не видел. А вот Костика запросто мог убить. Лет, эдак, пять назад...

— И, кстати, в петлю-то она его не одна засовывала, — уже серьезно заметила Елена. — Их двое, Алек. А может, и больше.

Они закончили завтрак в молчании, не мешая друг другу размышлять. Зная, что потом все равно поделятся выводами. Как всегда.

Из-за стола поднялись одновременно, молча оделись и вышли на улицу. Она машинально взяла Алека под руку. Он привычно приноровился к неспешному шагу Елены. Она улыбнулась и глубоко вдохнула буйный мартовский воздух. Он украдкой взглянул на нее, чуть слышно усмехнулся и полез в карман за сигаретами.

* * *

Анатолий уже около года проработал охранником в «Бюро магических услуг», но так и не смог привыкнуть к местной публике. Трудно сказать, кто нервировал его больше, хозяева этой странной конторы или их ненормальные клиенты. Все-таки, наверное, больше клиенты. Анатолий опасливо покосился на странного человека, закутанного в черный балахон. Посетитель сидел посередине холла, по-турецки скрестив ноги. Глаза его были полузакрыты, он что-то бормотал и раскачивался из стороны в сторону. На темно-сером паласе ярко выделялась полоса круга, начерченного мелом. Из какой-то подозрительной склянки, стоящей у ног этого странного субъекта, валил дым. Едкий запах сводил Анатолия с ума.

— Что он делает? — спросил он у демонолога Женьки, который устроился с сигаретой на перилах лестницы.

— Шаманит, наверное.

— Черт... — Анатолий еще раз обошел странного посетителя кругом, стараясь не наступать на меловую полосу. — Жень, перестань курить. Это запрещено.

— Да брось ты, — отмахнулся демонолог. — Здесь так воняет, что никто ничего не заметит.

Анатолий не очень ему поверил. Но сейчас было не до споров.

— Кто только придумал это дурацкое правило, что дежурный маг может являться на работу на час позже?! — Анатолий опять обошел «шамана» и посмотрел на часы, висевшие над входом.

— Я придумал, — сознался Женька. — И долго отстаивал его на общем сборе.

Анатолий посмотрел на него с легкой неприязнью. А потом опять уставился на часы.

— Да не переживай ты так, — попытался успокоить его демонолог. — Она никогда не опаздывает.

— А Алек?

— Тут сложнее. Но надежда есть.

Они появились ровно в десять. Похожие на этот мартовский день. От них веяло собирающимся дождем, весенним ветром и какой-то скрытой угрозой.

— Ну, слава богу! — обрадовался охранник. — Елена Васильевна!

Анатолий указал на «шамана».

— Вызови санитаров и уборщицу, — улыбаясь, распорядилась хозяйка «Бюро», поправляя темные очки.

Охранник бросился к телефону, стараясь в очередной раз не задумываться, почему она всегда скрывает свои глаза. Алек кивнул Анатолию и поздоровался с Женькой за руку. Остановившись на нижней ступеньке, Елена вопросительно смотрела на демонолога.

— У нас все в порядке, — иронично отрапортовал Женька. — В отделе снятия сглаза и порчи очередь. Но Людон обещала справиться. По адресам — ничего из ряда вон выходящего. У Юльки пара истериков. Она извела уже целый флакончик валерьянки. Больше половины, по-моему, на себя. Все как обычно.

Для убедительности он пожал плечами и обнял деревянную статую — уменьшенную копию тех, что стоят на острове Пасхи, за то место, где предполагалась талия.

— Жень? Тебя сколько раз просили не курить в «Бюро»? — сердито поинтересовалась Елена.

— Откуда знаешь? — хитро прищурился он.

— Пепел, — тихо заметил Алек.

— Черт! — Женька отлепился от статуи и стал носком ботинка затирать пепел.

— Я тебя слушаю, — требовательно напомнила Елена.

— Ну, покурил. Ну, ладно тебе, — забубнил демонолог.

— Хватит! — резко оборвала она его.

— Хорошо. — Женька сразу стал серьезным. — Их двое. Одному где-то тридцать пять. Другому ближе к пятидесяти. Ждут в твоём кабинете.

— Они, естественно, в штатском? — уточнил Алек.

Женька кивнул.

— Только ее? — опять спросил Алек.

Демонолог криво усмехнулся.

— Понятно.

Алек начал подниматься по лестнице, хмуро взглянув на свою дорогую подругу.

— Давно ждут? — обратилась Елена к Анатолию.

— Минут сорок, — встревоженно ответил охранник.

— Хорошо. — В ее голосе прозвучали чисто ведьминские стервозные нотки.

Она поспешила за Алеком.

* * *

Эти в «штатском» Алеку не понравились. Ему вообще не нравились сотрудники ФСБ, как в принципе любому россиянину, изучавшему, хотя бы и в школе, историю родной страны. Но эти двое... Что-то в них было совсем уж не так. Алеку они напоминали двух манекенов, которых дергает за невидимые веревочки искусный мастер. Хотя, если у него возникло такое впечатление, значит, кукловод не так уж и искусен. Алек решил пока не ломать голову над личностью этого мастера. Достаточно было просто понять, что же в этих «штатских» так ему

не понравилось. Тем более что он прекрасно знал, если эти ребятки не понравились ему, значит, они не понравились и Елене. Как всегда, поддаваясь старому как мир азарту, он надеялся раньше своей дорогой подруги вычислить, в чем «штатские» прокололись. Точнее, в чем прокололся невидимый мастер.

В принципе это было практически очевидно, по крайней мере для Алека. Этих двоих прислали к Елене специально. Именно их. Потому что такой типаж мужчин Елене нравился. С небольшой поправкой... Раньше нравился. Лет эдак пять-шесть назад. Мастер здорово просчитался. Теперь подобные ребята вызывают у Елены раздражение, если у подруги нет должного настроения. Хотя, возможно, мастер как раз и рассчитывал, что Елена догадается, кто он, пообщавшись с этими двумя.

Старшему было где-то под пятьдесят. Эдакий старый ловелас, с благородной сединой в буйной гриве когда-то смоляных волос, с бархатным взглядом и нежной улыбкой в усталых уголках губ. Впрочем, такие мужчины нравятся Елене и сейчас. Раньше у нее частенько были эдакие элегически-платонические романы с подобными ловеласами. Теперь эти стареющие бабники быстро превращались в любящих дядюшек, которые души в Елене не чаяли, и баловали ее, как родную дочь.

Второй — что называется, совсем запущенный случай. Ну, просто картинка, а не мужчина. Элегантен до жути, надменен в той же мере. Эдакий английский рафинированный лорд, в костюме с иголочки, причесанный волосок к волоску. И что самое гадостное, по мнению женщин — красивый. Вкрадчивая манера говорить полуинтимным шепотом, в глазах огонек, обещающий рай на земле. И полное отсутствие манер, как бывает у людей, которые привыкли, что их требования выполняются беспрекословно. Женщинами. По таким, как этот, Елена когда-то сходила с ума. Для нее они были вызовом, который она просто не могла не принять. Она их ненавидела и любила одновременно. Раньше.

А потом вдруг все прекратилось. Потом у его милой подруги как глаза открылись. Алек не знал, что такого произошло, почему вдруг для нее все изменилось. Это было в один из тех редких периодов, когда Елена отказывалась с ним общаться. Уходила, сбегала, делала глупости, или наоборот... Она никогда не рассказывала об этих периодах. Просто возвращалась изменившейся. Не к нему, к жизни. Еще более усталой, жесткой и равнодушной.

Сейчас она смотрела на «штатских» с милой улыбкой. В меру вежливой, в меру лукавой. Будто хотела позаигрывать с ними, но не решалась на это из-за стеснения. По крайней мере, так воспринимали сейчас его дорогую подругу эти незваные гости. И на них это действовало. «Дядюшка» уже купился на Еленин шарм, уже пылал к ней пламенной симпатией. «Божок» улыбался, мило, ласково, будучи уверенным, что она не обратит внимания на расчетливый блеск в его глазах. Елена предпочитала общаться больше с «дядюшкой», лишь изредка поворачиваясь к «божку», чтобы одарить многообещающей улыбкой, состроить глазки. Как того и требовали правила. Алек чувствовал, что в данный момент его подруга развлекается по полной программе. Подобные игры в «кошки-мышки» были ее излюбленной манерой беседы с такими, как эти двое. После утреннего разговора в кафе такая встреча, по мнению Алека, была просто подарком. Очень уж он не любил, когда Елена впадала в состояние равнодушного спокойствия, когда начинала общаться со всеми ровно, вежливо и как-то отстраненно.

Разговор был протокольно-ритуальным. Так назвала бы его Елена. Алек улыбнулся, вспоминая теорию своей дорогой подруги о том, что вся жизнь человека, поминутно, как раз

и состоит из таких вот ритуалов.

«Штатские», естественно, обозначили цель визита, посочувствовали по поводу таких скоропостижных кончин аж трех Елениных знакомых. Очень тактично поинтересовались, где госпожа Давыдова, а кстати, и господин Калашников находились в те печальные вечера происшествий.

Алек с Еленой красиво разыграли сцену воспоминаний, листая ежедневники и обзванивая по внутренней связи коллег. Конечно, у них было алиби, подтвержденное несколькими людьми: и коллегами, и клиентами. Конечно, представители службы Железного Феликса ничуть не сомневались, что госпожа Давыдова, как и господин Калашников никакого отношения к смертям Елениных приятелей не имеют. Спросили, не помнит ли Елена Васильевна, не было ли у невинно убиенных ее знакомых проблем со здоровьем, у всех троих, причем одинаковых? Конечно, не было. И других знакомых, общих у убиенных, также не было. По крайней мере, Елена о том не знала.

Алек почувствовал даже некоторую гордость за себя и за свою дорогую подругу. Им прислали не просто «шестерок». Эти «штатские» были профессионалами. Умели подстраиваться под собеседника, не запугивали тупо своей печально знаменитой конторой и тайными сведениями о явной причастности хозяев «Бюро» к этому делу. Они просто вели беседу, непринужденную, почти ненавязчивую, с легким флиртом — в сторону Елены, конечно. Алек с нетерпением ожидал дальнейшего развития сюжета. Пора было «мастеру» приподнять маску.

— Елена... Васильевна, — с полуинтимной многозначительной паузой — явно не единожды применяемый прием — обратился к Елене «божок». — Вы нам поможете, вспомните, кто из ваших коллег, скажем так, не был занят какими-либо делами в те вечера?

Елена перестала улыбаться, выпрямилась в кресле.

— Не хотелось бы вас обижать, — ровно-вежливым, официальным тоном начала она, — но вопрос несколько глупый. Неужели вы думаете, что я сейчас начну тут сдавать своих коллег? Жаль, я уж было подумала, что ваша контора начала исправлять свою не очень-то хорошую репутацию. Но, видимо, замашки НКВД остались.

— Интересно, — Алек иронично улыбнулся, — вас в ФСБ по специальным тестам отбирают, по определенному строению мозгов? Проводят проверки на генетическую память? Устанавливают, что в прошлой жизни такие, как вы, были инквизиторами, а склонности остались и в этой жизни? Эдакая проверка на профпригодность?

«Божок» кисло улыбнулся. Не Алеку, Елене.

— Мы просто надеялись, что вы несколько облегчите нашу работу, посоветуете, с кем бы мы могли еще переговорить. Вот и все.

— Не все, — тем же малодружелюбным тоном возразила Елена. — Врете вы неубедительно. Вам уже было сказано, что у убитых нет общих знакомых, кроме меня.

— Вы сказали, что не знаете о других общих знакомых, — напомнил «божок».

— Тогда ваш вопрос про моих коллег становится еще более глупым, — отпарировала Елена.

— Неужели вы так ручаетесь за своих коллег? — как можно более вежливо спросил «дядюшка». — Я верю, что вы не хотите доставлять им неприятности, но сами понимаете, какое дело...

— Понимаем, — ответил Алек. — Но стучать не приучены.

Елена поморщилась.

— Просто нам не о чем вам сообщить. В коридоре висит расписание полетов. Там четко можно увидеть, что незанятых сотрудников в те вечера у нас не было. И вообще не бывает.

— Спасибо, — поблагодарил «дядюшка» и вздохнул с облегчением. — Разрешите задать еще один неприятный вопрос?

— Даже если я скажу, что не разрешаю, вы его все равно зададите, — усмехнулась Елена.

— К сожалению, вы правы. — «Дядюшка» почти искренне выглядел виноватым. — Но все же... Я вынужден поинтересоваться, кто из ваших коллег обладает достаточной силой, чтобы...

Алек улыбнулся. «Штатский» реально не знал, как спросить. Трудно старому работнику конторы задавать вопросы о магии и прочем, рассуждать о паранормальности смертей. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Участие в этом деле несло с собой головную боль. В общем-то, Алеку искренне было жаль «дядюшку», но помогать ему он не собирался.

— Трое, — ответила Елена, не заставляя его мучиться. Ответила спокойно, улыбаясь. Она чувствовала себя хозяйкой положения, она уже знала, что окунет этих двоих, как кутят. Алеку было знакомо это чувство, пьянящее, азартное, когда кажется, что одним жестом, одним словом можешь вершить судьбы мира. Когда приходит сила. — Однако, — после некоторой паузы продолжила она, — возможность сделать это имела только я.

В кабинете стало что-то меняться, настроение разговора, казалось, передалось даже стенам, рассеялось по кабинету. Будто они уже не в офисе, а в зале уютного кафе или где-то в комнате, где притушен свет, и интимный полумрак располагает к романтике, стихам, прикосновениям и поцелуям.

— Вы говорите так, будто точно знаете, как их убили. — «Божок» наклонился вперед, посылая Елене свои самые завлекающие взгляды, самые медовые улыбки, поддаваясь странному, такому неожиданному настроению, будто сам уже стал частью этой романтической сказки.

— Знаю, — в тон ему, так же наклонившись вперед, ответила Елена. Будто и не об убийствах шла речь, будто готова она была раскрыть что-то сокровенное, мысли, а может, и чувства. — Сначала им обеспечили сердечный приступ, а уж потом изобразили иллюзию самоубийства. Для каждого свою.

Атмосфера в комнате накалялась. Алек почувствовал, как растет предвкушение. Холодок пробежал по спине. Елена плела чары. И все происходило, как в замедленной съемке. Вот «дядюшка» зачем-то уставился в окно, на осколки снега, примерзающие за доли секунды к оконному стеклу, на серое безрадостное небо. Его рука что-то машинально выводила в блокноте. «Божок», не отрываясь, смотрел на Елену. Алек чувствовал, как сбилось его дыхание, как он начал нервничать в ожидании откровения, которое ему пообещали.

— На это нужна сила, огромная, темная, — нараспев произносила Елена. — И время, и знание.

— У вас его достаточно, — через силу заметил «божок». — Откуда у вас эти знания?

— Свои источники, дорогой. — Даже Алеку голос его дорогой подруги показался необычайно чарующим. — Я должна это знать. Это мой город, мои люди, неужели я допущу, чтобы что-то здесь происходило без моего ведома?

Она говорила искренне! Алек был в восторге. Он обожал такие сцены. Казалось, что сейчас Елена сама верит в свои слова, сама поддается на свой Зов, является частью этого Зова. Искренность обычного человека может творить чудеса, а искренность ведьмы...

— Ты знаешь слишком многое, дорогая. — «Божок» опять улыбнулся своей коронной улыбкой победителя. — А не боишься, что тебя могут подтянуть за базар?

Она улыбнулась, ласково, чуть лукаво, приподняв брови в немом удивлении. Алек понял, что он плохой психолог. Неужели женщинам и правда нравится, когда мужчины переходят в разговоре с ними на такой вот жаргон? Наверное, он общался не с теми женщинами.

— Ты считаешь? — Елена осторожно положила руку на ладонь «божка». Их было только двое. В этом мирке, в центре этой сказочно нежной иллюзии.

Алек готов был идти за букетом. Спектакль удался!

— Сними очки. — «Божок» сполз до шепота.

— Будьте осторожны в своих желаниях, они могут исполниться, — промурлыкала Елена. — Ты не боишься узнать слишком многое?

«Жертвенный козленок» лишь улыбнулся.

Медленно, нарочито медленно, она сняла очки...

В первый момент его охватила радость. Он все же этого добился! Она сняла эти чертовы очки! У нее были самые обычные глаза. Серые. Серо-стального оттенка. Холодные. Она смотрела на него внимательно, очень внимательно, будто хотела увидеть его мысли. И ей было все равно, кто он, что он. Безразличны его желания и эмоции. Она просто замораживала взглядом. Глаза у нее все-таки какие-то уж слишком блестящие. И взгляд неприятный, давящий. Даже стало трудно дышать. Да нет... Взгляд здесь ни при чем. Просто душно. И темно. Кто-то закрыл шторы? Наверное, гроза. Неуютная комната. По углам будто тени клубятся. Краем глаза видно. Будто шевелятся. НЕТ! Они на самом деле шевелятся! Они растут. Темные, очень темные, как ее зрачки. Странно... Что-то происходит за спиной. Стоит оглянуться. НЕТ! Не стоит. Там что-то есть. Именно что-то. Это не человек. Нет, это... это тень! Тени, они везде. Они ЖИВЫЕ. Они подходят все ближе. Но этого не может быть! Надо сматываться отсюда! Но почему так трудно пошевелиться? Сил нет... Только бы не дотронулись. Только не это! Господи, холодно-то как. Они холодные, комната холодная. ЕЕ взгляд. Очень холодно. И невозможно пошевелиться... Тени продолжают двигаться... Нет! Так не бывает. Тени не ходят. Все это мерещится от холода. Только бы не тронули. Запах... Как в могиле... В МОГИЛЕ?! Господи, да что же это? Не смейте трогать! Не смейте! НЕТ!!! Почему они так близко? Почему так темно? Да что же происходит? Силуэты... Это не тени... Это... НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! ИХ НЕТ!..

Елена отклонилась в кресле назад. Надела очки.

Алек глубоко вздохнул, успокаиваясь, как всегда, когда уходила сила, когда кончалось зачаровывание. Трудно с Еленой все-таки. Когда она решает вот так при нем использовать чары, кажется, что сам сидишь на месте жертвы. Часть созданной ею иллюзии накрывает и его. Надо будет поговорить с ней об этом. Алек поежился, отходя от ощущения холода. Счастье, что ему досталось лишь по касательной, а вот «божку»... Хотя молодец парень, Алек не мог этого не признать. «Штатский» быстро взял себя в руки. Не трясся, не орал. Сидел молча, сильно побледневший, растерявший половину своих аристократических понтов, но держался. Алек против воли испытал к нему уважение. Мало кто вел себя в подобной ситуации так достойно.

— Елена Васильевна! — «Дядюшка» очухался. На его лице читалось некоторое недоумение. Он никогда не отвлекался от задания. — Очень вас прошу, помощь ваша нужна.

Все же вы специалист. И ваши коллеги...

— Милейший. — Тон у Елены был уже совсем не дружелюбный. — Для того чтобы мы смогли вам помочь, вы должны предоставить нам все материалы дела, фото с мест убийства, результаты осмотра тел, беспрепятственный вход в квартиры убитых, все протоколы допросов и прочее-прочее.

— Но Елена Васильевна! Я просто не имею права привлекать частных лиц к такому делу! И вообще, я такие вопросы не решаю! — Как ни странно, «дядюшка» завелся не на шутку. Вроде отказывать такой милой девушке нехорошо, да и начальство распорядилось быть вежливым, а тут...

«Божок» молча поднялся с кресла. Вид у него был несколько отсутствующий. На лице еще оставалась бледность с легким зеленоватым оттенком. Он смотрел на Елену. Без злобы, задумчиво, похоже, даже с уважением. Так же молча он положил перед ней визитку, потом, кивнув напарнику, пошел к выходу.

Алек пожал ему руку, сам не ожидая от себя такого широкого жеста. Похоже, этот парень не просто так нравится женщинам, в нем был какой-то внутренний стержень, характер. Хотя, по мнению Алека, манеры все же оставляли желать лучшего. А еще в этом «гэбэшнике» была сила. Хотя сам он вряд ли когда-то узнает о ней. При хорошем раскладе из него получился бы неплохой сотрудник «Бюро». Парень сопротивлялся до последнего, интуитивно чувствуя чары. Он почти выстоял. Алек закрыл за ним дверь, заставив себя даже улыбнуться на прощанье.

А Елена уже набирала номер.

— Эй, Гувер! — радостно пропела она в трубку. — Ну, сбылась мечта идиота?

* * *

Серый день сменился чернильными сумерками. На улице подмораживало. Воздух наполнился свежестью, будто к ночи гарь и копоть города осели где-то в замерзших лужах. Огромные мартовские звезды уныло глядели вниз. Такие же безмолвные и равнодушные, как на потолке любимого кафе.

Все та же шотландская клетка скатертей, тот же вечный полумрак зала, Эллу Фицджеральд сменили «Скорпионс» со своим знаменитым «Ветром перемен». На их столике стояло несколько бутылок. Пламя свечей мерцало, отражаясь в хрустале бокалов, подсвечивая напитки, будто придавая им магическую силу эликсиров.

Гувер оказался Елениным одноклассником. Невысокий, чуть полноватый, с копной непослушных каштановых волос, улыбчивый, немного смешной. Елена говорила, что еще со школы на Мишку, так в действительности звали ее друга детства, вешались все девицы, какие встречались на пути. Что-то такое в Гувере было. Может, каждая из обожательниц чувствовала, что Мишка сам к слабому полу ох как неравнодушен.

На встречу Гувер явился с сопровождением. Девушка лет восемнадцати цеплялась за его локоть, как утопающая за спасательный круг. Она была на голову выше своего кавалера, худенькая, в неимоверно короткой юбке пошло розового цвета, в бледно-салатовом топе, таком коротком, чтобы обязательно был виден живот, и в кожаной куртяшке по пояс. Алек ее пожалел: не по погоде прикид. Но, как говорится, красота, она требует... В принципе посиневший от холода живот по цветовой гамме мог бы вписаться в общий пестрый

ансамбль.

Девушку звали Лизой. Она изредка бросала в сторону Елены недовольные, а иногда и явно угрожающие взгляды, пару раз, для приличия, состроила глазки Алеку, а в целом смотрела с обожанием только на Гувера.

Тот, к сожалению, не отвечал ей взаимным всепоглощающим вниманием. Он захлеб рассказывал Елене о семье, о сыне, о работе. Обо всем, обо всем. Они не виделись восемь лет.

Алек потягивал коньяк, изредка закусывая каким-то салатом с интригующим названием «Загадка». Он был счастлив. Тихим, спокойным счастьем. Он просто наблюдал. За беседой, за Лизой с ее смешными полудетскими ужимками, за Еленой. Она полностью расслабилась в компании старого друга. Плавные жесты, по-настоящему довольные улыбки, настоящий интерес во взгляде. Легкая ностальгия при воспоминаниях. Она склонила голову набок, как-то по-кошачьи и машинально водила пальцем по краю бокала.

Такой она нравилась Алеку больше всего. Сейчас его милая подруга была почти идеальной женщиной. Элегантная, в привычном черном наряде. Длинные ноги, скрещенные в лодыжках, лодочки на вечных высоченных шпильках, короткая прямая юбка с кокетливыми разрезами до середины бедра, приталенная блузка с глубоким вырезом, в котором виднелись кружева лифчика. Рыжая прядь спадает на глаза, чуть раскосые, как у настоящей ведьмы. Многие женщины предпочитают черный цвет, многим он идет, но... Но не так.

Алек будто вернулся в прошлое. Он чувствовал магию, обычную, человеческую магию чувств, он будто снова влюбился в свою милую подругу. Почти... Елена поймала его взгляд. Ласково коснулась его руки, улыбнулась, мечтательно, нежно. Их настроения совпали. Как всегда. Он перевернул руку, сжал ее ладонь в своей. Просто так.

— Ну, слушай, — продолжал между тем Гувер, весело и оживленно. — Нужна ты нам. И вообще, не скажешь, что ты здесь не при делах. Выручай, ладно?

Елена кивнула. Алек кивнул вслед за ней. Глупо было отказываться, все равно они уже начали расследование. Да и упрашивали их уже достаточно долго.

— Сам понимаешь, нам нужны материалы дела, — легко, как о погоде, проговорила Елена. — И фотки. А лучше вообще на тела посмотреть. И пропуск в квартиры. И все такое.

— Да не вопрос, — отмахнулся Мишка. — Только с телами проблема. Михайлов, ладно, еще в морге. А двух других выкапывать, что ли?

Договорив, он с энтузиазмом накинудся на подстывший картофель и отбивную. Алек с улыбкой наблюдал, как цвет лица Лизы приближается к цвету ее топика.

— Завтра к десяти все подвезешь? — продолжала интересоваться Елена.

— Угу, — дожевывая, закивал Гувер. — Только не я. У меня завтра сексуальный час у начальства. Семеныч подвезет.

— Старший? — уточнила Елена, вспоминая своих сегодняшних посетителей.

— Он. — Мишка продолжал расправляться с горячим. — Опытный дядька. Кстати, был на вскрытиях. Может, что ценное вам расскажет. В случае чего, ну... это... если еще будут трупы, считайте, что он — ваш пропуск в морг.

— Без меня, — покачала головой Елена. — Аллергия на запах.

— Учту, — тут же согласился Алек.

— Ага, — заулыбался ему Мишка. — У тебя и опыт есть, верно? Ты ведь не так давно из органов ушел.

— Два года как, — уточнил Алек.

— И это... — Гувер наконец-то закончил есть. — Тут неприятность одна. Нагрузка вам будет.

— Чтоб тебя, — беззлобно выругалась Елена. — Ничего другого я и не ожидала. Все равно подлянку кинешь.

— Не я, — тут же начал оправдываться Гувер. — Начальство. Причем столичное. От своих я бы вас еще как-то отмазал.

— И чего от нас требуется? — иронично осведомился Алек. — В партию власти вступить? Дать подписку о неразглашении? Принести девственницу в жертву?

Лиза пошла пятнами. Теперь она смотрела на друзей Гувера с неприкрытой неприязнью и страхом. Крепче стиснула Мишкин локоть. Алек удивился, как она может все время за него цепляться, есть ведь неудобно.

— Это, конечно, обязательно, — не обращая никакого внимания на неприятности своей пассивности, продолжал Гувер. — Я про подписку говорю. А нагрузка вам другая будет. Человечка одного придется вам к себе взять.

— В «Бюро»? — Елена перестала улыбаться. Таких подарков она не любила. Весь персонал они с Алеком подбирали сами, весьма тщательно. «Подарочки» Елену не устраивали.

— Да нет, — успокоил Мишка. — Только на это дело.

— Чей-то слабоумный племянник? — все в том же ироничном тоне поинтересовался Алек.

— Не знаю. Вроде нет. — Гувер стал совсем серьезным. — Парень ничего такой. И со способностями. По вашей части. Из Питера. Нам звонили насчет него. Сам не из конторы. Просто помог им там. Говорят, крутой. Но никто толком ничего о нем не знает.

— Так уж и ничего? — наигранно удивилась Елена. — Колись, давай.

— Сама поняла, кому это сказала? — шутливо нахмурился Мишка. Но тут же опять стал серьезным. — Есть, конечно, кое-что. Он из семьи военных. Приехал в Россию из Румынии года два назад. Книжки у него видели, старые, на неизвестных языках. Поинтересовались картинками. Кто-то грамотный кое-что прочел...

— Ну, сказочник, и что там? — Елена слушала все это с полуулыбкой, но Алек чувствовал, как напряглась ее рука в его ладони.

— Да существа разные на картиночках, в текстах вроде молитвы, а может, заклинания. Необычные, в общем, церковные вирши. Тебе это что-то говорит? И что-то еще о том же...

— Демонология? Уже интересно. — Елена пожала плечами. — А характер как?

— Сама увидишь. — Гувер устал отвечать на вопросы. — Не мои эти темы. Лучше уж о девочках.

Лиза недовольно поджала губки. При ее жалком виде это был не лучший ход. Алек иронично улыбнулся:

— А что же вы не едите, Лизанька? На диете?..

Ночь была просто потрясающей. Звезды спустились еще ниже, распахнули свои блестящие глаза и улыбались. Черное бездонное небо звало взлететь. А ветер, веселый мартовский ветер, пел о свободе. Такие ночи просто созданы для шабаша. Для безудержного веселья, для любви...

Гувер обнимал Лизаньку на заднем сиденье такси. Автомобиль, набирая ход, обогнал счастливую парочку. Елена и Алек шли медленным прогулочным шагом, держались за руки,

как дети, и улыбались друг другу.

— У них роман, да? — спросила Лиза.

— Нет, солнышко, — снисходительно и грустно сказал Мишка. — У них все намного запущеннее. Это судьба.

— Так они женаты?

— Нет, детка. Прости, тебе не понять.

Гувер вздохнул, прижал ее к себе покрепче и улыбнулся в темноте салона, хитро-хитро, как нашкодивший мальчишка.

Глава вторая

Под небом голубым
Есть город золотой,
С прозрачными воротами
И яркою звездой...

Он напевал эту песню со дня приезда. Исполненная неподражаемым БГ, она была очень и очень древней. Неизвестный бард «из вагантов» в Средневековье так ославил Иерусалим, что слова сохранились в веках.

Хотя этот реальный город, куда его занесло сейчас, был старым и грязным. Иерусалим, по его мнению, по весне, конечно, тоже выглядит не лучшим образом. Но все-таки это же не Иерусалим. Небо здесь постоянно затянуто низкими серыми грустными облаками. Голубизны не разглядишь. А звезда... «Зачем на небе зажигаются звезды? Наверное, для того, чтобы каждый смог снова отыскать свою звезду». Наверное, Маленький принц был прав.

В общем, это был обычный провинциальный российский город, но почему-то он ассоциировался для него с древней балладой про золотой город. Может, потому, что голос незабвенного БГ, последнего исполнителя этой песни, всегда монотонно-печальный, так подходил местным серым узким улочкам. Возможно, баллада могла ассоциироваться с любым старым городом, хотя в других городах он таких ассоциаций не замечал. Еще, возможно, у него просто было извращенное чувство юмора, переполненное сарказмом, и работало это чувство юмора на обратных ассоциациях. Но скорее всего ему просто нравился этот город и эта песня.

Он только приехал из Питера, и все здесь напоминало ему Северную столицу. Тот же гранит набережных. Та же спокойная, еще не полностью освободившаяся от ледяного плена серая мощь реки. Те же маленькие дворики, со всех сторон обрезанные обшарпанными стенами зданий. Деревьев здесь, правда, было побольше, чем в Питере. Летом город, должно быть, утопает в зелени. Но сейчас голые черные скелеты деревьев почти не заметны на общем серо-обветшалом фоне. А еще в двориках, так напоминавших питерские, на лавочках по вечерам заседала молодежь с традиционно расстроенными гитарами и выводила хором тот же питерский рок. Стихи Цоя, Башлачева, «Зоопарк», а порой и тот же «Аквариум». В частности, пели и балладу о золотом городе, пребывая в полной уверенности, что автором этого хита всех времен и народов является Гребенщиков. Но конечно, самобытностью этот город обижен не был.

Все знают, что у каждого города есть душа. И если ты почувствовал эту душу, то, значит, и город почувствовал и принял тебя. Он бывал в разных городах. Чувствовал их души. И эти города хотели принять его. Но... почему-то все же именно здесь он захотел остаться. Будто вернулся после долгих лет... «Тот город, мной любимый с детства, в его декабрьской тишине моим промотанным наследством сегодня показался мне...»^[1] В общем, где-то так.

Такой вот милый ласковый старый город. «Здесь спокойно, как в чьем-то потайном кармане», — сказал ему случайный знакомый в одном из местных ночных клубов, парнишка, такой же приезжий, как и он сам. Тогда он с этим парнем согласился. Да. Город был спокойным. Внешне. Город был серым и равнодушным. Внешне. Город был всеядным.

Он без труда получил в местной конторе Железного Феликса интересные данные. Городу было чуть меньше девятисот лет. А это значит, что он построен после крещения Руси. Весь такой чисто православный город. Вернее, должен быть таким.

Но почему-то именно здесь среди золота куполов православных храмов так легко почувствовать ту языческую свободу, ту возможность самостоятельно сделать выбор, ту мудрость, которую наши предки превратили в религию, самую сильную и верную из существовавших когда-либо на земле.

И именно эта мудрость помогала городу не захлебнуться в бурных волнах цивилизационного потока, не утонуть в омуте технического прогресса. Город все перемалывал, как огромная мясорубка, пережевывал, как голодный великан, отрывивал ненужное, а остатки полученной пищи топил в своих глубинах, как в трясине тех болот, на которых когда-то был построен. Город был мудрым, равнодушным, а потому — всеядным.

На полумиллионное население здесь приходилось более двухсот сект различного толка. Но при этом местная православная священная братия регулярно собирала в своих златоглавых храмах положенную им паству. Были в городе и костел, и синагога, и мечеть. И у них тоже находилось немало верующих в соответствующих богов поклонников и посетителей. И все жили мирно и счастливо в соответствии с правами, прописанными в российской Конституции.

Местные газеты, как и по всей стране, пестрели рекламными объявлениями о возможности воспользоваться услугами всяческих провидцев, целителей, предсказателей и разномастных потомственных ведм, которым тут тоже было весьма комфортно. Просто городу было на них на всех наплевать. И на еретиков-волхвов, и на священнослужителей, и на их верующих.

А еще в городе существовало «Бюро магических услуг». Здание, в котором оно располагалось, было на одной из главных улиц города, в историческом центре. Двухэтажный домик, построенный еще в восемнадцатом веке, скромное крылечко, неброская вывеска. Он наткнулся на нее на второй день после приезда. Сначала даже не поверил. А потом — позавидовал. Городу.

Где-то в фэнтези, кажется, у Васильева в его «Черной Пальмире», рассказывается, что в каждом городе есть такое особое место, где хранится душа этого города. Но это, понятно, только в сказках бывает. А в жизни — каждый знает, что душа города скрыта в людях, которые в нем живут. Здесь эти люди — сотрудники «Бюро». Именно они бережно охраняли душу города, то, что скрывалось в самой ее глубине. Они были воинами города, его хранителями.

Вчера, во время своего визита в «Бюро» он обратил внимание на небольшой рисунок, висящий над лестницей в скромной строгой рамочке. Мостовая, выложенная неровным булыжником, по которой шагает человек. Кожаная куртка, поднятый воротник, высокие сапоги, ружье за спиной, кепка, надвинутая на глаза. Он идет, а город вокруг него спит, тараща наружу черные глухие провалы окон. От фигуры на рисунке веяло опасностью. И город, нарисованный город, чувствовал эту надвигающуюся угрозу. Но при этом продолжал спать...

А рядом с рисунком в такой же рамочке — несколько строк под стеклом. Четкий размашистый почерк с наклоном, готически остроугольные буквы с завитками:

Этот город стоит на костях,

И в паутину улиц затянута,
Память рвется, мечется
По извилистым венам
Сонного великана.
И нет возможности вырваться,
Нет желанья забыть,
И память не в состоянии
Хоронить городских мертвецов... [\[2\]](#)

Хоронить мертвецов тут полагалось как раз сотрудникам «Бюро». Вернее сказать, упокаивать...

Он легко догадался, кто авторы рисунка и этих строк. Алек и Елена.

«Это мой город», — сразу вспомнились ему слова хозяйки «Бюро», сказанные вчера. Он тяжело вздохнул. Да, после вчерашней встречи ничего хорошего сегодня ему ждать не приходилось. Тут и к гадалкам ходить не надо с высокопарными вопросами в стиле Ленского: «Что день грядущий мне готовит?..»

* * *

Елена молчала с самого утра. С того момента, как вышла из дома и Алек встретил ее у подъезда. Когда было необходимо, она либо кивала ему в ответ, либо отрицательно качала головой, либо пожимала плечами. В общем: да, нет, не знаю — нужное подчеркнуть. Время близилось к обеду, ситуация не улучшалась. Алека это бесило, но он ничего не мог поделать. И это раздражало его еще больше.

С ней такое иногда случалось. Елена была скрытной. Она всегда все для себя решала сама. Вот так — молча. И переживала все свои проблемы так же. Уже потом она рассказывала Алеку, в чем дело, когда трудности оставались позади. Но ждать этого момента было трудно. Алек не любил ждать. И он чувствовал себя явно некомфортно. Март, дождь, слякоть, остатки гололеда, да еще Елена дуется с самого утра. Вчера вечером он проводил ее до дома, и она выглядела совершенно счастливой. А сегодня...

Алек перебрал все варианты. Мигрень ей не грозила. Это он проверил первым делом. Обычно отблески ночных кошмаров Елены он чувствовал, но спала она в эту ночь хорошо. Никаких мелких утренних неприятностей, которые обычно так качественно поганят весь день, типа закончившейся туши, сломанного каблука, разбитой любимой чашки, кофе, выплеснувшегося на любимую блузку, — не произошло. Ничего такого. Не могла же она расстроиться из-за этого дела? Или могла? Нет. Скорее, задуматься...

Они стояли у подъезда обычной типовой пятиэтажки брежневской застройки, выкрашенной в идиотский желто-розовый цвет, во дворике, на все том же растрескавшемся асфальте, как раз между двумя грязными лужами с наледью. Они ждали.

— Да о чем ты все-таки думаешь? — не выдержал Алек.

— О дожде, — после некоторой паузы, улыбнувшись, ответила Елена.

Алек вздохнул с облегчением. Заговорила. Он поднял лицо к небу, зажмурился, чувствуя, как мелкие острые капли дождя пылью оседают на щеках.

— Дождь не может идти вечно.

Она обернулась к нему, сняла свои вечные солнцезащитные очки. Улыбка стала более искренней, в глазах появился интерес. Эта отстраненно-спокойная маска, которую Елена носила с утра, исчезла.

— Неужели ты наконец-то скачал «Ворона» в нормальном качестве?

— Да, — так же улыбнувшись, признался он. Алеку нравилось делать для нее сюрпризы, ведь она любила те же вещи, что и он сам. — Когда все закончится, возьмем бутылочку любимого вина, форель, сыр, фрукты и отметим. Да?

— Вспышка? — В ее голосе послышалась чуть заметная ирония.

— Именно так, — с мальчишеской гордостью подтвердил Алек. Лично ему собственная теория о вспышках очень нравилась. Он рассуждал просто: в медицине прямая — это смерть. А чтобы не умереть, необходимы вспышки. Они обязательно должны быть положительными. Чем их больше, тем более живым ты себя будешь чувствовать.

— Ты раньше говорила, что после наших «вспышек» всегда следуют потрясения, — продолжил Алек. — Хочу это изменить. Пусть теперь все будет наоборот, хотя бы для разнообразия.

— Вот именно, милый, — тяжело вздохнув, сказала Елена. — Все в этом несовершеннейшем из миров имеет свойство меняться.

— Да, — согласился он. — Но не вкус любимого вина, не сюжет любимого фильма и... не свет свечей, например. Да. Есть и другие неизменные вещи.

— Аксиома, Алек? — опять иронично поинтересовалась она. — А как быть с тем, что со временем меняется твое отношение к любимому фильму? Новые мысли и мечты, которые приходят, когда смотришь на огонек свечи? Меняются марки любимых вин. И вообще, в конце концов, то, о чем ты умолчал, — наши отношения. Они тоже меняются постоянно, что ты отрицать не можешь. Меняются, потому что меняемся мы сами. С этим сможешь поспорить?

— И что? — Разговор Алеку не нравился. Они обменялись прописными истинами, доказали в очередной раз друг другу, что все течет и все изменяется. Елене пора было бы объяснить, что на самом деле ее занимает. Его дорогая подруга уверена в собственной способности мыслить логически и очень любит это всякий раз доказывать, по всякому поводу. Вот и сейчас выстраивает вслух логическую цепочку, чтобы он сам догадался. Чтобы пришел к тем же выводам, что и она. А он не хотел. Настроения, в конце концов, нет.

— А то, — ответила на его лаконичный вопрос Елена. — Как ты считаешь, хочется ли мне заглянуть хотя бы и в недалекое свое прошлое, чтобы очередной раз удостовериться, что я изменилась, а там все осталось по-прежнему? И уже никогда не изменится...

— Но ты же в этом не виновата, — возразил Алек. — Не виновата, что они уже ответили для себя на все вопросы. Что большего они уже не хотят... не хотели. Каждому свое! Есть же люди, которые вообще не хотят меняться, или, вернее, развиваться. Они вообще ничего в этой жизни не хотят... Какого черта, я доказываю тебе весь день прописные истины!

— Это твоя профессия, дорогой, — усмехнулась она.

Алек был рассержен. Да, он по специальности был психологом. Самая неблагодарная профессия — говорить людям элементарные вещи, чтобы они в сто пятый раз в них поверили. Елену этим не успокоишь, что и злило. А еще обстоятельства... Стоило ли вообще настаивать, что его дорогой подруге так необходимо задуматься над этим делом? Задумалась. Будьте осторожны в своих желаниях.

Он представил, как попадает в гости к какой-нибудь своей бывшей любовнице. И все то же, на тех же местах. Те же книги, та же музыка, те же разговоры...

— Я себя не виню, — прервала Елена его размышления. — Просто не хочу разочаровываться... Повторно.

Да, по отношению к покойникам это было бы не совсем корректно.

— Ты просто устала, — ответил Алек, озвучивая то, что чувствовал сам и что чувствовала она. — Это пройдет.

Елена кисло улыбнулась. Пожала плечами, глянула вверх, на знакомые окна. А он опять поднял глаза к небу, стараясь проследить невидимые капли дождя от тучи до самой земли. Им необходимо что-то новое. Уже не «вспышка», а самая настоящая встряска. Чтобы отвлечься, от себя, друг от друга, от этого их теплого уютного маленького мирка, который иногда бывает так тесен.

Елена опять оторвала его от размышлений, тронув за рукав. Алек посмотрел, куда она указывала, нахмурился, мысленно послал Гувера к черту.

Сегодня «бжжж» выглядел совсем иначе. Нормальный мужик. Без понтов, без псевдоаристократической утонченности. Нет заученных, хорошо отточенных движений, каменного выражения лица с постоянным оттенком легкого недовольства, пропало высокомерие. Просто уверенный в себе мужчина. Походка другая, более четкая, но при этом раскованная. Он просто идет, а не несет свое нетленное тело в массы, как вчера. Растрепанные ветром волосы, без каких-либо следов лака, бриолина или чего-то там еще. Челка спадает на глаза. Кожаная куртка, потертые джинсы. Нет, костюм ему, конечно, тоже шел, но в таком обычном прикиде он больше похож на человека. Не как вчера — расфуфыренный манекен, наманикюренный мачо. В общем и целом Алеку в своем нормальном амплуа этот тип понравился больше. Если, конечно, не брать в расчет, что вчерашний маскарад Алеку по душе не пришелся. Его несколько шокировало открытие, что вчерашний надменный придурок сегодня оказался магом. А в том, что к ним приближается маг, сомневаться не приходилось.

Трудно объяснить, чем люди, наделенные сверхъестественными способностями, отличаются от других. Наверное, прежде всего взгляд. Цепкий, острый. С таким взглядом не хотелось бы встречаться. Слишком пронизательный. Даже угрожающий. Это от привычки быть отличным от других, привычки бросать вызов судьбе, защитная реакция против своего собственного вынужденного одиночества в толпе. И походка. Из-за той же воинственности, из-за привычки жить, как на вулкане, походка меняется. Маги ходят по улицам, как по полю боя. И города ложатся им под ноги, как победителям. И, наконец, ореол силы. Она есть, как ее ни прячь. Люди улавливают этот ореол интуитивно и машинально обтекают мага на улице, стараясь не задеть, иногда оглядываются вслед. И по жизни стараются не мешать. Из чувства самосохранения.

Следя за приближением этого «оборотня», Алек подумал, что был более чем прав. Встряска им обеспечена. Вот только так ли необходима эта встряска?

Он увидел Елену и Алека сразу, как только свернул во дворик. Увидел и позавидовал им. Уже во второй раз.

Они стояли рядом, почти касаясь друг друга плечами. И он, и она в черном и одинаково хмурятся, наблюдая за его приближением. Они были очень похожи, неуловимо, но ощутимо. Так бывают похожи люди, общающиеся друг с другом многие годы. Они не были влюблены,

они уже давно перестали быть любовниками, они — друзья, близкие друг другу люди. Единомышленники. И поэтому они сильны.

Многих сил стоит создать собственный мир, примирить его с миром реальным. Превратить сказку в быль. А открытие «Бюро магических услуг» — разве это не сказка? Они превратили мечту в любимое дело, в работу, приносящую и удовольствие, и прибыль.

Они были сильны. Потому что их было двое. Всегда. И это означало, что они не знали, а вернее, уже давно забыли, что такое одиночество. Им не надо было с ним бороться, бояться его, учиться с ним жить.

Откуда-то налетел ветер. Задорный, по-мартовски злой и колючий. Он стащил с увядших сугробов кусочки заледеневшей грязи и растрескавшегося наста, погнал по асфальту с еле слышным царапающим звуком...

...Как скрежет лапок по стеклу. Будто маленькие зверьки коготками скребутся в окно. Это так отвлекает. Он вообще не понимал, зачем повторять сложные фразы на непонятном, чужом, давно умершем языке. Как он сможет их использовать, когда сам не знает смысла того, что произносит? Да и взгляд со скучных строк все соскальзывает на древнюю гравюру. На это устрашающее, тонко выписанное изображение в окружении знаков. Вот знаки и символы он любил. Их смысл был ему легкодоступен. И даже азарт какой-то чувствовался, когда он их разгадывал. Нарисуешь четким быстрым движением один из них, и не надо произносить до бесконечности какую-то лабуду, добиваясь четкости звучания, правильности интонации и прочего.

Учитель, хоть и неоригинально так называть наставника, стоит у окна, смотрит куда-то вдаль, где у горизонта видны горы, вглядывается во что-то, скрытое за этой мерзкой пылью, шуршащей о стекло. Он объясняет, уже не в первый раз, устало, но терпеливо, что, когда ученик выучит эти строки, он поймет их смысл. Слова со страницы перетекут плавным потоком латинской музыкальной речи в его сердце, где и останутся навечно, готовые по первому сигналу слететь с губ, защищая и убивая...

Он встряхнул головой. Как давно он не вспоминал этого. С чего бы вдруг?

Поднял взгляд на Елену. Как раз вовремя. Она поправляла очки. Здорово! А ведь он даже и не обратил внимания, что до этого она была без очков. Расслабился. И получил... Он чуть улыбнулся. Сам виноват. Не следует обманывать женщин. Тогда они не будут лезть тебе в душу. То ли еще будет...

Он подошел к ним, кивнул Елене, вовремя поднес зажигалку к ее сигарете, простым, чуть резковатым движением, а не как вчера, с преувеличенной галантностью. Она прикурила, молча кивнула. Он протянул руку Алеку.

— Влад, кажется? — злорадно усмехаясь, уточнил тот. — Не Цепеш, случаем?

— Я не столь кровожаден, — иронично ответил Влад. — Олег, как я помню? Не Вещий, нет?

— Я не настолько проницателен, — в тон отозвался Алек.

— Но почему? — не согласился Влад уже более серьезно. — Вчера ты меня почти раскусил.

— Почти. — Алек решил тоже покурить, достал сигарету. — А к чему был весь этот маскарад?

— Глупый вопрос, милый, — резковато вступила в разговор Елена. — Наши персоны

для него, как и для любого другого незнакомого с нами человека, кажутся в этом деле наиболее подозрительными. Даже с учетом наличия у нас алиби.

— Очень мило. — Алек кисло улыбнулся. — Кажется, нечто подобное я сам тебе говорил вчера утром. Но почему надо было так раскрываться? И еще, как тебе удалось так быстро восстановить силы?

— Ну, во-первых, — начал объяснять Влад. — Я дал обещание Михаилу сыграть эту роль. Нехорошо нарушать обещания. — Он ехидно улыбнулся Елене. Та лишь молча пожала плечами в ответ. — Во-вторых, если бы я начал сопротивляться, и мне, и Елене это очень дорого бы обошлось. А в-третьих... не хотелось бы хвастаться, но пока я знаю больше вас. Там наверху, я уже был. И вчера надо было кое-что проверить. Относительно Елены.

— Можно считать, не похвастался, господин Знаток, — саркастически прокомментировала Елена и, выбросив сигарету, пошла к дверям подъезда. — Ключи-то не забыл, умник?

Влад молча кивнул ее спине, не будучи уверенным, что ей необходим ответ.

— А как насчет восстановления сил? — продолжал допытываться Алек. Он профи. Ему необходимо получить все и по максимуму, пока Елена не послала этого типа куда подальше.

— Тоже сам сейчас поймешь. — Влад поднимался по лестнице следом за Еленой, ему приходилось оборачиваться к собеседнику. — Что называется, ощутите разницу... Можешь считать это подсказкой.

— Слышь, хватит интриговать. — Алеку почему-то вообще расхотелось идти в квартиру покойного. — В «Как стать миллионером» я не играю.

— Я и не предлагаю, и таких денег у меня нет, — отреагировал Влад. — Вот что могу сказать, я тогда подстраховался. Видишь?

Он показал Алеку массивную печатку черного серебра, крепко обхватившую мизинец левой руки. От нее так и веяло древностью и силой. Мощной, тяжелой и как будто усталой. Будто эта вещь так устала от своего служения, от смертей хозяев, что решила вздремнуть, как маленький дракон, согретый теплом ладони.

У дверей в нужную квартиру они остановились.

— Пришли, — немного смущенно проговорил Влад. — Сейчас посмотрим, а потом... Обсудить хорошо бы.

— Проведем семинар, — все так же саркастически-недружелюбно ответила Елена. — Соберем консилиум, главное, чтобы кворум был. И консенсус не терялся. Ты, Алек, будешь протокол вести. За писарчука поработаешь.

— Ага секретуткой-машинисткой, — хмыкнул Алек. — Ты, демократ, может, двери откроешь?

Влад подавил тяжелый вздох. Ну что ж, не послали, и то хорошо. Это только дети в песочнице начинают сразу дружиться. Хотя с этими двоими все-таки особенно тяжело.

Он осторожно распечатал квартиру, снял тщательно приклеенную полицейскими печать, вставил ключ в замок.

В квартире витал запах смерти. Трудноописуемый, но знакомый всем, кто хоть раз в жизни оказывался рядом с покойником. Елена терпеть не могла этот запах. Она не боялась смерти. В духовном плане относилась к ней как к таинству, к чуду. Но на физическом уровне тот момент, когда живое существо вдруг превращается в вещь, вызывал у нее чувство неприятия, отрицания. Запах как свидетельство этой физической метаморфозы тела казался

ей отвратительным.

Она начала осмотр с книжного шкафа. Стараясь находиться как можно дальше от того места, где был убит Александр. Как бы собираясь с силами перед испытанием.

Провела пальцами по корешкам книг. Да, полицейские тут постарались на славу. Бумага и картон переплетов легко сохранили обрывки чужих эмоций. Целая гамма — от презрения и насмешки (зачем опытным операм, привыкшим к виду трупов, крови и ежедневной человеческой грязи, вникать в этот мистический бред) до живого интереса эстетов и даже страха перед неизведанным, мрачным и тайным, чем были полны до краев эти книги. Были здесь и обрывки размышлений, осколки логики, ниточка принятой за основу версии о таких редких ритуальных убийствах. Елена слабо улыбнулась, читая чужие мысли, приклеившиеся к бумаге.

В ящике рабочего стола, между бумаг и чертежей, нашелся фотоальбом. Елена не удержалась и с грустной улыбкой посмотрела на фотографию.

У Александра было счастливое, спокойное лицо. Таким она его и помнила по жизни. Он хорошо умел держать себя в руках, всегда был вежлив в общении, что называется, интеллигентен, иногда ироничен. Он был умницей. Единственный из ее бывших, кто изучал паранормальные способности человека, тайны религий и культов, мистику обрядов и все то, что принято называть магией. Изучал как науку. Он был тем, кого в Древней Руси, да и в Библии, принято было называть волхвами. Александр предпочитал теорию практике, был способным, хотя и не особенно сильным магом и очень редко использовал свой дар. Однако Елена знала, что в критический момент он мог многое. Возможно, даже больше, чем она.

Она тяжело вздохнула, подошла к креслу, повернутому к окну. Александр всегда любил сидеть именно так, глядя в окно, мечтать, созерцать, просто обдумывать то, что случалось в его жизни.

Елена мгновенно ввела себя в транс. Машинально, как делала это ежедневно. Закрывает глаза, велением собственной воли отбросила прочь навязчивые желтые круги, маячащие перед глазами. Дыхание участилось, стало неровным, поверхностным, загудело в ушах...

Что ж, она не ошиблась: в тот вечер Александр сидел именно в этом кресле. Нога на ногу. Правая рука на подлокотнике. Через обшивку чувствуется неприятная твердость доски. В левой руке — сигарета. Знакомая горечь в гортани. Сизый дым плавно поднимается к потолку. Да, все правильно.

Но в тот вечер он не был таким уж спокойным и умиротворенным. Хотя и старался не показывать истинных чувств. На лице полуулыбка, слегка натужная, явно искусственная, взгляд обращен в окно. А там ночь. Темная. Слишком. И стук дождя о стекло. Пронзительный, навязчивый. Пугающий.

Трудно думать. Озноб по спине. Холодно. Страх... Угроза, скрытая, но такая близкая. Предсказуемая. Исходит эта угроза от той, что сидит напротив. Он не видит ее. Или это Елена не может увидеть? Только аура. Темная, сильная. Страшная. Он это чувствует. Она чувствует... Напряженная работа разума. Он может что-то сделать, что-то изменить.

Но страх усиливается, и он уже знает, что будет... Ударить, со всех сил, так, как не бил никогда! Миг ликования от нахлынувшей силы... Елена почувствовала, как был послан удар, хотя не поняла заклинания. Опять неувловимый образ. Провал. Удар, и ничего! Такого не может быть! Страх увеличивается многократно. Почти парализует мозг. Или это холод? Какой плотный воздух. Дышать трудно. А еще запах... Крови? Смерти? Откуда? Ужас

сковывает движения. Краем глаза видно, как вокруг стало темно, как там, за окном. Надо повернуться. Невозможно. Боже, почему так холодно? Почему он не может двигаться? А что там шевелится? Кто это? Или что? Посмотреть... Нет, ни за что... Но все же надо шевельнуться, чтобы не замерзнуть. Он уже дрожит. От страха? От холода? От мысли, что кто-то сзади подходит все ближе... Кто? Нет. Он не хочет этого знать. Как бьется сердце. Слишком часто. До боли... Они совсем рядом. Кто?.. Нет! Не может быть! Господи! Только не это! Только не они... Совсем замерз... И как больно в груди. Все плывет. Очень больно. Воздух... Не хватает воздуха... Посмотреть... Надо увидеть ее глаза, лицо... Узнать... Невыносимо больно. Что с сердцем? Как больно! Холодно... Могильный холод. Круги перед глазами. Шум в ушах... Или пение?.. Вздохнуть... Хоть немножко воздуха... Невыносимая боль... Да когда же все это кончится!

— Лена! Лен, приди в себя! Лена, очнись же! — Алек тряс ее за плечи.

Она резко вздохнула, открыла глаза. Машинально потерла грудь, все еще чувствуя боль. Все кругом плыло, во рту пересохло, в висках ломило. Она с трудом сглотнула.

— С ума сошла! — орал Алек, побледневший, испуганный. — Экспериментаторша хренова! Влад, воды!

Влад уже стоял рядом со стаканом воды в руках. Она взяла стакан дрожащими руками, поднесла к губам, сделала несколько мелких глотков. В горле саднило. Транс еще не полностью рассеялся. Что это? Вода? Вино? Красное сухое...

— Отпечатки, — глухо выговорила она. — Нет отпечатков?

— Нет, конечно, — ответил Влад. — Нигде не было. Они постарались.

— Естественно, — шепотом согласилась Елена, с трудом поднялась с кресла, пошатнулась. Влад поймал ее под локоть.

— В «Бюро», — распорядился Алек, раздраженно хмурясь.

У подъезда Влад усадил Елену на лавочку, достал пачку «Союз — Аполлона», протянул сигарету ей, другую — Алеку, щелкнул зажигалкой. Потом прикурил сам.

— Сидите, — распорядился он. — А я сейчас машину подгоню.

Алек шлепнулся на лавочку возле подруги. Невольно поежился.

— Ты как?

— Как Гамлет. Забыться, умереть, уснуть... И видеть сны... — Елена зажмурилась, но тут же, почувствовав легкое головокружение, снова открыла глаза.

— Поесть тебе надо, — решил Алек.

— Дома.

Да, «Бюро» было их вторым домом, любимым, теплым и уютным. Еленин кабинет, черная кожа кресел, мягкий полумрак за плотными темно-синими шторами, запах кофе...

— Черный ворон, что ты вьешься над моею головой... — вдруг тихонько и как-то ехидно-гаденько затянул Алек.

Елена удивленно воззрилась сначала на него, потом туда, куда он невежливо указывал пальцем. К подъезду приближался классический «черный воронок».

Елена устроилась на заднем сиденье из мягкой черной кожи. Алек сел вперед — за штурмана. На Елену навалилась апатия и сонливость. Как всегда, после большой растраты сил. Думать ни о чем не хотелось, обрывки мыслей проносились в голове, но она их останавливала, ни на чем не заостряла внимания. Ей вообще сейчас ничего не хотелось. Ни

есть, ни спать, ни курить, ни чувствовать, а может, даже и ни жить. Просто сидеть вот так и смотреть на проносющийся мимо город. На грязные улочки, слишком яркие аляповатые витрины и рекламные щиты, на спешащих куда-то прохожих, на другие машины, так же пролетающие мимо. И больше ничего.

Она машинально слушала фoniaщих из магнитолы «Скорпионс» и увлеченный разговор мужчин, обменивающихся впечатлениями о новой большой игрушке. Как дети в песочнице.

Алек любовно поглаживал приборную доску, с удовольствием оглядывал обивку кресел, даже поелозил по коже сиденья.

— Класс! — восхитился он. — А марка какая? Я же не знаток...

— Это «эмка», — сообщил Влад гордо. — Корпус родной, все остальное, что бог послал.

— А идет-то как, — продолжал восхищаться Алек. — Движок не родной? От кого ставили?

— «Мерсовский», — Влад погладил руль, благо до движка не дотянуться. — Сам ставил. Я ее вообще сам собрал. Хобби у меня такое. У каждого ведь свое хобби?

— Ага. — Алек смутился. — А я вот крестиком вышивать могу. Макраме обучаюсь... — Он обернулся, взглянул на Елену: — Сколько еще продержишься?

— С полчаса, — подумав, ответила она.

Алек ей не поверил. Сил она истратила слишком много. А отходняки всегда болезненные, особенно у нее. Для окружающих. Елена становилась похожа на голодного оборотня: глаза злые, движения нервные, а слова... Скоро ей будет двигать лишь одно желание — обидеть, причинить боль, унижить. Как и у любого другого энергетического вампира. У любого «голодного» мага. Просто одни «питаются» положительными эмоциями. А другие — отрицательными. Его дорогая подруга принадлежала ко второй категории.

— Лен, может, сэкономим время, — предложил Алек. — Я сейчас выйду и куплю что-нибудь поесть, а?

— В «Бюро», — категорически заявила она. — У меня есть кофе и горький шоколад. А ты натянешь обтягивающие штаники, белый передничек и соберешь заказики. Потрудишься, ничего страшного.

Да, с получасом она точно переборщила. Алек старался не обижаться. С ней и так все понятно.

— У тебя есть музыка потяжелее? — обратился он к Владу.

Тот кивком указал на бардачок и прибавил скорость.

Сотрудники «Бюро», так не вовремя решившие покурить на крылечке, с удивлением наблюдали, как «черный воронок» лихо притормозил у конторы. Из приоткрытых окон машины неслись душераздирающие вопли «Рамштайна». Когда Елена, Алек и Влад вышли, сменивший Анатолия охранник Гриня уже трубил тревогу по внутренней связи.

Пока они поднимались в кабинет Елены в грозовом молчании, в «Бюро» уже кипела бурная деятельность. Люда, ведьмочка из отдела снятия порчи и сглаза, моталась по коридору второго этажа с чайником, прижатым к внушительных размеров груди. Юля, лучшая подруга Елены, штатный медик по совместительству, вскрывала ящик собственного стола, где хранился так необходимый сейчас черный горький шоколад. Володька, маг широкого профиля, рассыпал сахар по чашкам. Демонолог Женька просто топтался в коридоре между своим и Елениным кабинетом. Остальные работали, как всегда, в авральном режиме.

Елена открыла дверь своих апартаментов, сбросила привычным жестом куртку на руки Алеку, прошла к рабочему столу и уселась в крутящееся офисное кресло. Ее дорогой друг повесил, почти не глядя, на вешалку свою и ее куртки, направился к окну, задернул шторы, наполнив комнату уютным полумраком.

Влад разместился на черном кожаном диване, довольно вытянув ноги. Провел рукой по сиденью, отмечая, что вкусы с этой язвительной ведьмой у них весьма похожи. По крайней мере, на материалы и цвет для обивки мебели. И вообще, кажется, он слишком быстро и легко привыкает к этим двоим. Повинуясь общему настроению, он ввалился сюда, как к себе домой, будто делает это каждый день уже много лет, хотя на самом деле он в этом уютном, стилизованном кабинете всего второй раз. А ведь вчера, хотя и времени было предостаточно, он даже не потрудился осмотреться. Он окинул комнату взглядом.

Кабинет Елены был довольно просторный, хотя и мебели имелось немало. Напротив входа — большое трехстворчатое окно, которое Алек только что замуровал плотными шторами цвета ночного летнего неба. В правом углу рабочий стол полукругом. На нем, ближе к стене, стоял компьютер, а на той части, что обращена к двери — магическая сфера, явно бутафорная, два бронзовых подсвечника с белыми свечами, колода Таро на самом видном месте, пепельница и громадная неровная стопка папок и бумаг на углу. Вдоль левой стены — узкий шкаф, возле него еще одно офисное кресло, тумбочка, зеркало над ней, очередной шкаф, тоже узкий, но с застекленными дверцами. В углу по диагонали от стола — диван, на котором Влад сейчас сидел, два кожаных кресла в комплект и журнальный столик между ними. По правой стене три стула для посетителей. Мебель вся темного дерева, обои на стенах серо-синие, без рисунка. Несколько картин. Рассмотреть произведения искусства Влад решил как-нибудь потом.

Алек между тем продолжал хозяйничать. Расправившись со шторами, он достал ручку, взял лист бумаги из стопки на столе, начал записывать.

— Обойдусь без штаников и фартучка. Но заказы соберу. Тебе, моя молчаливая подруга, как обычно: мяса жареного с кровью, фасоль на гарнир. Устроит? Да... Салат капустный, морковь по-корейски, сок апельсиновый и пару булочек. Мне, значит, тоже мясо, салат, сок абрикосовый, хлеб обычный. А ваша светлость что желает?

— Мясо, — пожелала Власова светлость. — Салат из свежих овощей, сок апельсиновый, как и ее величеству. И еще... Слушай, а ты лаваш купить можешь?

— Какой? — уточнил Алек. — Как для шавермы?

— Нет. Тот, который потолще, грузинский. Лепешка такая большая, знаешь?

— О! А наш граф еще и гурман, — иронично заметила Елена.

— Да не могу я привыкнуть к вашему заводскому хлебу, — совершенно серьезно пожаловался Влад. — В Румынии хлеб другой. Там в каждой избе свой вручную выпекали. Мы всегда ходили в деревню специально покупать.

— А деревни у вас грузинские? — продолжала Елена вредничать. — Местные выселки такие? Или вас там расселяют по национальному признаку?

— Нет, дорогая, — это слово он произнес с особым выражением, иронично-ласково, растягивая гласные. — Грузин там не было. Просто лаваш вкуснее местного заводского ширпотребя.

— Тогда себе я тоже лаваш возьму, — тут же решил Алек.

— Подхалим, — буркнула Елена.

— Гурман, — иронично возразил друг и направился к двери. — Заноси, Женька!

На пороге возник высокий рыжий парень.

— А ну, помоги! — скомандовал он и передал подскочившему Алеку кружки с кофе. — Шоколад в кармане.

Елена улыбнулась, принимая свою кружку и плитку лакомства.

— Всем спасибо, — сказала она, нажав какую-то кнопку на телефоне.

— Громкая связь, — прокомментировал Алек для Влада. — Я по «Бюро» за заказами.

Он удалился со своим кофе.

Женька устроился на одном из стульев для посетителей, демонстративно не обращая внимания на Влада. Того это немного развеселило. Было в местных магах что-то по-детски забавное.

Однако, как он и ожидал, Женька первым делом поинтересовался у начальницы именно о его присутствии.

— Лен, а это кто?

— Довесок к делу, — буркнула она.

— Чей-то слабоумный племянник?

— Нет, Жень, маг, — возразила Елена и, наконец-то решив соблюсти правила приличия, улыбнулась Владу. — Нормальный, в общем.

Влад не выдержал и фыркнул со смеху. Ну, где еще встретишь людей, которые считают магов нормальными, даже «в общем»? Слишком сильна была в нем привычка жить с постоянными сомнениями относительно здравости собственного рассудка, с чувством отторгнутости обществом из-за своих ненормальных способностей. А здесь иначе, маг — значит, нормальный. Просто, как «дважды-два».

— Лады. — Женька встал и церемонно пожал ему руку. — Женька, демонолог.

— Влад, — ответил он на рукопожатие.

Женька переместился в кресло у стены, чтобы видеть их обоих.

— Я по делу.

— С чего бы это? — наигранно удивилась Елена.

— А ты жуй, жуй свой шоколад, — посоветовал он. — Силенок набирайся, а я пока порассказываю... Если вкратце. У меня тут ритуальное убийство. Девушку одну прикрутили к алтарю, перерезали ей горло, крови повыкачали да этой же кровью записочку на стеночке царапнули. «Mithrae invicto».

— Митре Непобежденному^[3], — перевела Елена.

В ее глазах тут же зажегся интерес и удивление. Влад первый раз с момента их знакомства порадовался, что она сняла очки.

— Но, насколько я помню, в западном митраизме не приветствовались человеческие жертвы. У них там все по правилам. Надо заколоть быка, так и закалывают именно быка, а не кого-нибудь другого, — заметил Влад.

— А женщин они никогда не убивали, — согласилась с ним Елена. — Их даже на мистерии не допускали. Чисто мужской клуб, блин.

— Не умничайте, вам это не идет, — нахмурился Женька. — И без вас ясно, что это какой-то фанатик положил девушку, потому что она слишком много об этом мужском клубе знала. Фишка в другом. В этот солнечный кружок «умелые ручки» вхожи только самые высокие шишки нашего славного города. Ты, Лен, вроде как с ними общалась? Может, составишь протекцию. А я допрошу их чуть-чуть?

Елена задумалась. Просьба Женьки в принципе была выполнима, но необходимо точно

выбрать, к кому его послать, да и вопросы демонолога проконтролировать. У таких людей что попало нельзя спрашивать. Вообще митраизм древняя и почти забытая религия, интересная нынче только таким упрямым историкам, как Елена и Женька. Хотя известно, что поклонялись Митре — иранскому божеству, Хранителю Договора между силами Добра и Зла, очередному солнечному богу, основе очередного солярного культа — обычно именно высшие чины многих армий и государств еще до нашей эры. А теперь традиция каким-то странным образом проявилась здесь в наши дни. В принципе, это нонсенс, но хоть по правилам развивающийся. А Женька и эти самые высокие чины как-то малосовместимы...

— Не, ну, прямо Сфинкс! — наигранно восхитился Женька. — Думать для тебя такое непосильное дело?

— Ты не пыжься так, — ехидно посоветовал ему Влад. — Животик надорвешь. В вашем городе есть, представь себе, правоохранительные органы, которые и должны заниматься расследованием убийств, пусть даже и ритуальных. И вот, Шерлок, они пришли к тем же выводам, что и ты, уже давно. И допросили всех, кто в твоей солнечной песочнице играет. Хочешь, я достану тебе по большому благу протоколы допросов?

— А то! — обрадовался Женька.

— Только учти, федералы, которые этим делом занимаются, не особенно в курсе митраистских фенек. А солнечные братья, по понятным причинам, особо их в курс дела не посвящали. Но все же в протоколах кое-что ценное есть. Во-первых, понятно, кто там какую роль исполняет в их театрализованных представлениях, а во-вторых, никто из участников действия девушку эту в глаза не видел. Последнее, кстати, проверено.

Женька кивал. Исторические митраисты на самом деле справляли свои обряды втайне, и вряд ли новые митраисты, пусть и непонятно как в России объявившиеся, явно соблюдают правила и не посвящают в свои таинства, опять же исторически несколько театрализованные, чужаков.

— А наш племянничек-то со связями, — прокомментировала Елена демонологу. — Грех не воспользоваться его благословенной помощью по большому благу. Простудироешь федераловские писульки, а потом подходи, поговорим, выясним, у кого, что и как лучше еще поспросать.

— Заметано, — согласился Женька. — Но ты там заранее пробей аудиенции, а списочек действующих лиц я тебе сегодня к вечеру подкину.

Елена кивнула.

— А наша девочка тоже с нужными детками в песочек играет, — вернул Влад комплимент.

— Клевые вы ребята, — задушевно проговорил Женька с ехидной улыбкой. — Любовь у вас прям до гроба. Решите друг другу глотки перегрызть, в силу своих, так сказать, особенностей, подумайте хорошо прежде. Алек расстроится. Интересно, а за едой он уже отвалил?

Вопрос был риторическим. И Женька сам тут же отправился выяснять местонахождение Алека.

— Хорошенькая у вас, воевода, политика, — сладко улыбаясь, прокомментировала Елена. — Разделяй и властвуй. Подкуп — великое дело!

— Ага, — согласился Влад. — И ведь почти безвозмездно. Всем сестрам по серьгам, а потом — все в шоколаде. Кстати, у меня сотовый накрылся, как можно Михаилу позвонить? Надо же сдержать обещание, данное Шерлоку.

— Все лучше и лучше, — пробурчала Елена, доставая свой смартфон. — Он обещает, а мне плати за его треп. Лови!

Аппарат спикировал к нему на колени.

— Ладно, королева моего сердца. — Ехидно улыбаясь, Влад встал с дивана и направился к двери. — Верну натурой. А пока... Судьба разлучает нас...

— И расставанье в час разлуки полно такою сладкой мукой... — Елена обожала цитировать Шекспира. — Вали, Ромео. Тебе пять минут. Просадишь больше, прокляну.

Прогуливаясь по коридору, Влад просматривал телефонную книгу смартфона. Его накололи. Прямо-таки жестоко накололи. Найти здесь телефон Михаила было целой проблемой. Контакты Елены были весьма примечательными. Влад отметил про себя, что женских имен в книге в разы меньше, чем мужских. Постарался он не обращать внимания на всякие ласковые «Николеньки, Серенечки, Санечки» и прочую ласковую чушь. Все эти уменьшительно-ласкательные перемежались с прозвищами типа «Крон», «Хорс», «Один», «Локки», «Велес», «Хрофт», «Тор», «Лель» и так далее. Да, у девочки точно были связи в самых высоких кругах. Наконец, цифры телефона около имени «Гувер» показались Владу знакомыми. Он решил позвонить.

— Привет, солнышко, — после третьего гудка ласково ответил ему Михаил.

— И тебе того же, зайка, — не остался в долгу Влад.

— Так, — немного огорчился Гувер. — Битва титанов закончена. Где забрать труп моей одноклассницы?

— Да жива она, — успокоил его Влад. — Просто на моем телефоне батарейка умерла.

— А я уж подумал: все, — объяснил Михаил. — Великий бой... До последней капли крови. Как там у вас говорится? Остался только один?

— У кого это у нас? — удивился Влад. — Ты все перепутал. Я родился в Валашском предгорье Румынии, а не в горах Шотландии.

— А у вас там бессмертных не было?

— Был, говорят. Мой тезка, кстати.

— Тоже любил головы рубить?

— Да. Но больше предпочитал на кол сажать. Но я по делу, вообще-то. Помнишь, ты тут на днях при мне говорил про одно убийство? Девушку на алтаре пришили. В подозреваемых — толпа поклонников некоего древнего культа, и все они из высших кругов города.

— Помню, — сразу же отозвался Михаил. — А что? Елена тоже этим занимается?

— Не она. Тут один смысленный парень есть. Ему бы протоколы допросов посмотреть.

— Он тоже маг? — удивился Гувер.

— Естественно.

— Мерлинс-клуб, блин, — прокомментировал федерал. — Да и черт с ними, пусть будут кем хотят, главное, чтобы с делом помогли. Дам протоколы, но ненадолго.

— Может, Семеныч мне их подвезет сегодня? — предложил Влад.

— Часа через полтора, — согласился Михаил. — Но только предупреди там этого деятеля вашего, чтоб осторожней был. Политика ведь, мать ее...

— Понял, не дурак. Спасибо.

Влад быстро отключился. За углом кто-то звонко стучал каблучками в его сторону.

Когда девушка показалась, он невольно отступил к стенке. Она была ведьмой. Это Влад понял сразу. Одета, как и все здесь, в черное, волосы тоже легко предсказуемого, рыжего цвета. Но все было не так уж просто. Вернее сказать, что цвет волос девушки был лишь

оттенком темнее, чем у незабвенной Лилу из «Пятого элемента», да и причесочка примерно такая же.

Прикид поражал оригинальностью. Высокие сапоги на тоненьких шпилечках, чулки в сеточку. Подвязки чулок в принципе должна была скрывать юбка, но Влад побоялся бы называть этим словом тот широкий черный пояс, который мало что прикрывал. Блузка тоже была в сеточку. Будто сшита из тех же чулок. Под ней четко просматривался лифчик с неимоверным, по его мнению, количеством кружавчиков. Еще на девушке имелось нечто вроде жилета. Кожаного, застегивающегося на талии на одну огромную пуговицу. Но вырез у этого жилета был слишком большой. Спереди жилет смотрелся как усовершенствованная модель полицейской кобуры: две лямки и полоска внизу.

Боевой раскрас был под стать костюму. Губы ярко-алые. Светящиеся. Девушку можно было ставить в темноте на перекрестке вместо светофора. Только вряд ли эти столь рьяно напомаженные губки умеют говорить слово «нет», так подходящее к красному свету с точки зрения правил дорожного движения. Глаза у ведьмы были подведены на манер египетских фараонов, жирно, размашисто, почти до ушей. А цвет глаз был излишне зеленым. Спасибо контактными линзами. Эти глаза любому автолюбителю или пешеходу мужского пола могли сказать: «Да, прямо здесь и сейчас!»

Влад в принципе любил женщин. Но такие, как эта, его всегда пугали. С ними не разберешься, что сделает: съест или изнасилует. Хотя в этом случае сомневаться не приходилось — второе. Девушка приближалась, он отступал к стене, пока не уперся. Она бесцеремонно оперлась локтем о стену, рядом с его шеей. Выше не дотянулась. Он уже хотел сказать ей, что в принципе это чисто мужской прием, но по глупости и неосторожности посмотрел ей в глаза. Ведьма сразу же начинала зачаровывать.

Влад почувствовал, как появляется привычное ощущение, будто воздух стал плотнее, наполнился идущими от нее флюидами. Казалось, расслабься он сейчас, и зазвенит в ушах медленная ласковая музыка, все поплывет перед глазами, и будет одна лишь мысль биться в голове, лишь одно желание... Но Влад расслабляться не собирался. Столь грубое зачаровывание отбить не составляло труда. Кокон защиты тут же был восстановлен, обернулся вокруг него, как теплый длинный плащ.

В своем порыве девушка даже не заметила, что жертва решила не поддаваться.

— Вы заблудились? — бархатным голосом, растягивая гласные, пропела она. — И вам нужна моя помощь.

— Уверен, что нет, — иронично заметил он, осторожно отстраняя ее от себя. — Я в нужном месте и с помощницами уже определился.

— Вряд ли, — не сдавалась она. По мнению Влада, тратить столько энергии на банальную сексуальную магию не стоило. — Я решу все ваши проблемы самым действенным способом.

На слове «действенным» она сделала особое ударение.

— Спасибо, я сам, — решительно возразил он.

— Это как? — растерялась девушка.

— Народными методами.

— Ну... это... то есть... — Богатым словарным запасом она не блистала.

— Как беден наш язык: хочу, но не могу, — прокомментировал Влад ее состояние строкой из Фета.

— Так вы импотент? — почти обрадовалась она, найдя его словам совершенно другое

значение.
— Проблема языкового барьера, — огорчился Влад.
[Купить полную версию книги](#)

notes

Примечания

Стихотворение А. Ахматовой.

Стихотворение А. Велес.

Митра — божество индоиранского происхождения.